

Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика

Владимир Александрович Плотников^{1, 2✉} Юлия Владимировна Вертакова³

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, plotnikov_2000@mail.ru

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Курский филиал), Курск, Россия, vertakova7@yandex.ru

Аннотация

Цель. Выполнить анализ устойчивости развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока.

Задачи. Описать проявления и причины макроэкономического шока 2022 г.; оценить влияние макроэкономического шока на текущий уровень промышленного производства в России; разработать рекомендации по обеспечению устойчивости развития отечественной промышленности на основе реализации новой промышленной политики.

Методология. При проведении исследования использованы методы сравнительного и ретроспективного анализа, обобщения, сценарного и ситуационного прогнозирования, экспертных оценок.

Результаты. Турбулентность экономических процессов, как внутри России, так и в мировой экономике, с конца февраля 2022 г. резко возросла. Это породило ситуацию, которая может быть охарактеризована как макроэкономический шок, то есть существенное и скоротечное изменение одного или нескольких макроэкономических параметров, выводящее экономику из состояния текущего равновесия и порождающее переходный процесс к новому квазиравновесному состоянию. На первом этапе макроэкономический шок вызвал спад выпуска в промышленности. На втором этапе спад был в целом купирован, но инициированы процессы структурной перестройки промышленности, негативно влияющие на критически важные и технологически сложные производства. Из анализа имеющихся данных становится очевидной корреляция между величиной спада производства в отдельных промышленных отраслях и уровнем их импортозависимости. При этом потенциал «традиционного» импортозамещения во многом исчерпан. Поэтому авторы предлагают для реализации модель новой промышленной политики. Суть ее состоит в том, что государство должно не «обеспечивать» производство конкурентоспособной промышленной продукции, а организовывать его. Это — кардинальная смена парадигмы. Высказанная концептуальная идея потребует дальнейшей углубленной проработки при условии ее принятия. Авторы полагают, что это произойдет в короткие сроки, а научная общественность присоединится к конструктивному обсуждению и проработке изложенных в статье идей.

Выводы. Современная российская экономика в целом и промышленность в частности развивается в условиях макроэкономического шока. Его причина — санкции «коллективного Запада». Вызванный шоком спад производства постепенно преодолевается. Но происходит негативная структурная перестройка промышленности, вызванная высокой импортозависимостью в некоторых ее отраслях. Для исправления ситуации предложена идея новой промышленной политики, базирующаяся на более активной роли государства в экономике.

Ключевые слова: новая промышленная политика, экономические санкции, макроэкономический шок, импортозамещение, импортозависимость, российская промышленность, индекс промышленного производства

Для цитирования: Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 10. С. 1037–1050. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-10-1037-1050>

Sustainable development of Russian industry in the context of a macroeconomic shock and new industrial policy

Vladimir A. Plotnikov^{1, 2✉}, Yuliya V. Vertakova³

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, plotnikov_2000@mail.ru✉

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

³ Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russia, vertakova7@yandex.ru

Abstract

Aim. The presented study aims to analyze the sustainable development of Russian industry in the context of a macroeconomic shock.

Tasks. The authors describe the manifestations and causes of the 2022 macroeconomic shock; assess the impact of the macroeconomic shock on the current level of industrial production in Russia; develop recommendations to ensure the sustainable development of domestic industry based on the implementation of a new industrial policy.

Methods. This study uses the methods of comparative and retrospective analysis, generalization, scenario and situational forecasting, and expert assessment.

Results. The turbulence of economic processes both in Russia and globally has increased dramatically since the end of February 2022. This gave rise to a situation that can be described as a macroeconomic shock, i.e. a significant and transient change in one or more macroeconomic parameters, disturbing the economy's equilibrium and causing a transition to a new quasi-equilibrium state. At the first stage, the macroeconomic shock caused a decline in industrial output. At the second stage, the decline was generally stopped, but industrial restructuring was initiated, negatively affecting critical and technologically complex production. The analysis of available data clearly indicates a correlation between the magnitude of production decline in certain industrial sectors and the level of their import dependence. At the same time, the potential of traditional import substitution has largely been exhausted. Therefore, the authors propose a model of a new industrial policy for implementation. Its essence is that the state should organize the production of competitive industrial products rather than ensure it. This is a radical paradigm shift. The expressed conceptual idea will require further in-depth study in case it is adopted. The authors believe that this will happen shortly, and the scientific community will join the constructive discussion and elaboration of the ideas presented in the article.

Conclusions. The modern Russian economy in general and industry in particular is developing in the context of a macroeconomic shock caused by the sanctions of the collective West. The production decline caused by the shock is gradually diminishing. However, there is a negative industrial restructuring caused by high import dependence of some industries. To remedy the situation, the idea of a new industrial policy based on a more active role of the state in the economy is proposed.

Keywords: new industrial policy, economic sanctions, macroeconomic shock, import substitution, import dependence, Russian industry, industrial production index

For citation: Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Sustainable development of Russian industry in the context of a macroeconomic shock and new industrial policy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(10):1037-1050. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-10-1037-1050>

Введение

Турбулентность экономических процессов, как внутри Российской Федерации (РФ), так и в мировой экономике, с конца февраля 2022 г. резко возросла. На это мы не раз обращали внимание в предыдущих публикациях [1; 2; 3; 4]. Противоречия, которые сглаживали, были даже попытки их эволюционного разрешения, приобрели открытый характер, «выплеснулись наружу». Против России коалицией развитых стран мира, ведущую роль в которой играют США (в отечественной литературе для этой группы стран стал в последние несколько лет широко использоваться термин «коллективный Запад», не являющийся российским изобретением; например, в официальном обороте в Великобритании широко используются аналогичные по звучанию и смыслу термины — *western allies* (буквально — «западные союзники») и *western nations* (буквально — «западные страны») [5]), объявлена «война санкций».

Официально заявляемая цель беспрецедентного санкционного давления на РФ — разрушение или существенное ослабление российской экономики для того, чтобы добиться ограничения российского суверенитета, подчинения реализуемой РФ политики интересам США и «коллективного Запада» в целом. Эти утверждения могут быть подтверждены многочисленными политическими заявлениями относительно антироссийских санкций. Приведем несколько примеров:

– цель — заставить их [Россию] сделать выбор... Они будут вынуждены выбирать между опустошением оставшихся ценных долларовых резервов, использованием новой выручки и — дефолтом... Цель администрации США заключается в том, чтобы истощить ресурсы, которые есть у России..., а также в том, чтобы создать проблемы для российской финансовой системы (сообщение агентства «Интерфакс Россия» от 6 апреля 2022 г. со ссылкой на официального представителя администрации Президента США Дж. Псаки¹);

¹ Цель санкций США против РФ — заставить ее выбирать между дефолтом и истощением долларовых резервов // Интерфакс Россия. 2022. 6 апреля. URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/cel-sankciy-ssha-protiv-rf-zastavit-ee-vybirat-mezhdu-defoltom-i-istoshcheniem-dollarovyh-rezervov-belyudom> (дата обращения: 29.08.2022).

– задача правительства США применительно к России... заключается в том, чтобы этот кризис для России завершился стратегическим провалом... [Имеются в виду неудачи для Москвы в военном, политическом и экономическом планах]... Санкции Запада будут с течением времени все сильнее бить по российской экономике (по информации ТАСС от 2 мая 2022 г. со ссылкой на выступление помощника министра обороны США по делам международной безопасности С. Уолландер²);

– мы сможем нацелиться на любую компанию, которая связана с российским государством, занимается бизнесом, имеющим экономическое значение для российского государства, или работает в секторе, имеющем стратегическое значение для российского государства. Мы не только сможем нацеливаться на эти объекты, мы также сможем преследовать тех, кто ими владеет или контролирует их. Это будет самый жесткий режим санкций против России, который у нас когда-либо был (официальное заявление министра иностранных дел Великобритании в Палате Общин, авторский перевод из [5, р. 11–12]).

Следствием вводимых против России все новых санкций стало существенное изменение условий ведения хозяйственной деятельности в стране, что может быть охарактеризовано как макроэкономический шок, под которым мы понимаем существенное и скоротечное изменение одного или нескольких макроэкономических параметров [6; 7; 8; 9], выводящее экономику из состояния текущего равновесия и порождающее переходный процесс к новому квазиравновесному состоянию. Экономике как большой и сложно организованной системе (понятия «большая» и «сложная» нами в данном контексте воспринимаются не как эмоционально окрашенные качественные характеристики, но как свойства системы, в том числе количественно выражаемые, рассматриваемые в общей теории систем [10]) присуща значительная инерционность [11; 12; 13]. Этим определяется ее реакция на шоки. Если шоковое воздействие является краткосрочным, то переходный процесс

² Пентагон: США добиваются, чтобы ситуация вокруг Украины стала стратегическим провалом РФ // ИА ТАСС. 2022. 2 мая. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14535185?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.08.2022).

к новому равновесному состоянию не возникает, система демпфирует шок (с этим могут быть связаны краткосрочные изменения ее характеристик) и сохраняет свои основные свойства. Если шоковые изменения носят продолжительный характер, в системе начинается переходный процесс.

Именно второго вида ситуация наблюдается в современной российской экономике. Это означает, что, во-первых, несмотря на ожидания части общественности, политиков, экспертного сообщества, представителей бизнеса и т. д., перестройка российской экономики займет продолжительное время. Полагаем, этот период продолжится несколько лет. Перестройка не может быть быстрой ввиду значительного масштаба и сложности экономики России, а также существенности изменений макросреды. Во-вторых, обойтись без изменений, «переждать» их нельзя, они неизбежны, если только не предположить, что в самое ближайшее годы санкции будут сняты, и мир вернется в прежнее состояние. Но такое предположение, по нашему мнению, далеко от реальности, оно неосуществимо. В-третьих, поскольку перестройка необходима и неизбежна, следует попытаться оценить ее направления и возможные механизмы развития. Выполним эту оценку на материалах российской промышленности — ключевого сектора отечественной экономики [14; 15; 16; 17; 18].

Необходимость оценки именно устойчивости рассматриваемого процесса определяется тем, что от состояния промышленного производства в стране, в условиях предпринимаемых «коллективным Западом» попыток технологической и индустриальной изоляции России, во многом зависит сохранение устойчивости социально-экономической системы в целом. Следовательно, в ходе переходного процесса, инициированного макроэкономическим шоком, необходимо не только перевести национальную промышленность в новое состояние, но и обеспечить бесперебойность этого перехода.

Влияние макроэкономического шока на текущий уровень промышленного производства в России

Различные новостные источники, многочисленные аналитики и политики, представители бизнес-сообщества дают противоречивые оценки происходящим в российской промышленности в условиях современного

макроэкономического шока изменениям. Причем эти оценки, отличающиеся разной степенью алармизма, еще и изменяются с годами. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда те или иные выводы надо рассматривать в строгой привязке к моменту времени, когда они сделаны, так как даже проработанные умозаключения и оценки стремительно устаревают, что связано с продолжающимся и усиливающимся санкционным давлением на Россию, а также происходящими в связи с этим в промышленности изменениями.

По данным мониторинга состояния промышленности, проведенного в апреле 2022 г. Институтом проблем естественных монополий, «индекс спроса ... больше всего снизился в высокотехнологичных отраслях: на 19,5 % по сравнению с апрелем 2021 г. и на 9,2 % за первые четыре месяца года... После введения антироссийских санкций индекс спроса также снизился в добывающих и среднетехнологичных отраслях промышленности. Рост показали только низкотехнологичные отрасли (производство продовольствия, одежды и т. д.) — на 5,6 % в апреле и на 5,4 % за четыре месяца»¹.

Аналогичная тенденция структурной неравномерности изменений промышленного выпуска сохранилась и в дальнейшем. Так, на заседании президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций, проведенном 29 августа 2022 г., первый заместитель председателя Правительства РФ А. Р. Белоусов отметил, что обвального падения промышленности не произошло, но наблюдаются структурные изменения, глубина которых обусловлена различной степенью импортозависимости соответствующих производств: «Поскольку санкционные ограничения действуют по-разному в разных секторах, в целом среди отраслей обрабатывающей промышленности можно выделить одну группу — это где спад составляет больше 50 % сейчас. Туда практически попал автопром и еще некоторые виды производств... Есть достаточно широкая группа машиностроительных производств, в том числе это производители оборудования, мобильной техники, специальной техники и так далее, где спад составляет от 10

¹ Аналитики оценили влияние санкций на российскую промышленность // Vedomosti.ru. 2022. 18 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/05/18/922574-analitiki-vliyanie-sanktsii-promishlennost> (дата обращения: 18.08.2022).

**Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности
в Российской Федерации, % к соответствующему кварталу предыдущего года**

Table 1. Production indices for certain types of economic activity
in the Russian Federation, % compared to the corresponding quarter of the previous year

Вид экономической деятельности	Код ОКВЭД2	1 кв. 2021	2 кв. 2021	3 кв. 2021	4 кв. 2021	1 кв. 2022	2 кв. 2022
Промышленное производство	BCDE	99,7	111,1	107,1	107,9	105,1	97,5
Добыча полезных ископаемых	B	93,0	107,6	108,7	108,6	107,3	98,8
Обрабатывающие производства	C	102,7	113,5	105,6	107,6	104,7	96,2
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	D	108,8	106,8	107,4	105,1	99,3	102,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	E	114,0	132,1	115,8	111,0	104,4	90,8

до 17 %. И сюда же, в эту же группу, я бы отнес производства, где спад составляет где-то 9–10 %, — это в основном производства химии, которые тоже столкнулись с ресурсными ограничениями поставок по импорту (при этом в целом ситуация в промышленности не является провальной. — В. П., Ю. В.), в среднем падение в промышленности, если брать от максимальных уровней февраля, с учетом сезонности — 4,5 %»¹.

Антироссийские санкции, направленные в том числе на изоляцию отечественной экономики от мировых рынков, по-разному проявляются не только в секторах промышленного производства, в которых высока импортозависимость, но и в тех, в которых наблюдается высокая степень экспортной зависимости. Это подтверждается данными Центра стратегических разработок, отраженными в июльском (2022) докладе «Риски 2022: градообразующие организации и моногорода» [19]. В нем, в частности, указано: «Санкционное давление, усилившееся в отношении Российской Федерации в феврале-июне 2022 года, неизбежно отразится на социально-экономическом состоянии моногородов. При этом степень влияния будет различаться в зависимости от отраслевой и региональной специфики градообразующих предприятий (доли градообразующей организации в экономике моногорода, структуре собственности предприятия, логистических цепочках, роли иностранного

капитала, ведения экспортной деятельности)» [19, с. 3].

Ввиду этих обстоятельств среди градообразующих промышленных предприятий моногородов особенно пострадали относящиеся к лесной промышленности, в том числе деревообработке, металлургии и машиностроению (последнее — вследствие высокой импортозависимости). На сайте *rbc.ru* указано: «Большинству попавших под прямые санкции градообразующих компаний уже запрещено экспортировать произведенную продукцию, а также импортировать оборудование, необходимое для текущей деятельности и для проведения модернизации. В совокупности санкции затронули 134 градообразующие организации... Однако по состоянию на июнь 2022 года значительное ухудшение ситуации проявилось только в 16 из них... В градообразующих предприятиях, которые оказались под самыми существенными рисками для функционирования и развития, работает менее 5 % всего трудоспособного населения моногородов... [Еще] 38 моногородов России, ... пострадали из-за косвенных факторов»².

Проанализируем статистику, опубликованную на сайте Росстата. В дальнейшем, если не указано иное, также будем использовать данные, размещенные на этом сайте. В таблице 1 приведены индексы производства по отдельным видам экономической деятельности, относящимся к промышленности. С учетом

¹ Заседание президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций // Правительство России. 2022. 29 августа. URL: <http://government.ru/news/46371/> (дата обращения: 18.08.2022).

² Эксперты ЦСР оценили число пострадавших от санкций российских моногородов // РБК. 2022. 1 августа. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/08/2022/62e3af8f9a79472ca6499471> (дата обращения: 18.09.2022).

**Динамика промышленного производства по видам экономической деятельности в 2022 г.,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Table 2. Dynamics of industrial production by type of economic activity in 2022,
% compared to the corresponding period of the previous year

Период	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Январь	107,8	110,0	101,1	99,7
Февраль	107,4	106,2	95,2	104,8
Март	106,6	99,3	101,4	108,3
I квартал	107,3	104,7	99,3	104,4
Апрель	97,2	97,0	102,1	92,5
Май	97,8	96,5	104,3	95,8
Июнь	101,4	95,3	99,8	84,3
II квартал	98,8	96,2	102,1	90,8
I полугодие	102,9	100,3	100,4	97,0
Июль	100,9	98,9	99,5	85,1
Август	101,0	99,2	101,6	91,0
Январь — август	102,4	100,0	100,4	94,8

этих индексов становится очевидным, что спад во втором квартале 2022 г. в промышленности произошел, но он не носит фатального характера. В целом промышленность «сжалась» на 2,5 %, в добывающей промышленности спад несколько меньше (1,2 %), в обрабатывающей — больше (3,8 %). Прослеживается структурная неравномерность спада. Так, на фоне общего сжатия производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, во втором квартале 2022 г. возросло на 25,7 %.

Наибольшее падение среди обрабатывающих производств испытало производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, которое снизилось на 62,9 %, основной причиной которого стал разрыв хозяйственных связей с зарубежными компаниями. Обратим внимание на положения Стратегии развития автомобильной промышленности РФ на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 831-р: «В настоящее время более 60 процентов произведенных в Российской Федерации моделей легковых автомобилей относится к моделям с высоким уровнем локализации (50 процентов и выше), спроектированным на базе платформ ведущих мировых автопроизводителей... Около 29 процентов российского производства легковых и легких коммерческих автомобилей приходится на модели, спроектированные на базе рос-

сийских автомобильных платформ... Около 11 процентов производимой автомобильной техники приходится на модели с низким уровнем локализации, спроектированные на базе автомобильных платформ ведущих мировых автопроизводителей»¹.

Из анализа приведенных численных данных становится очевидной корреляция между величиной спада производства в автомобилестроении и уровнем импортозависимости отрасли. Причем на опасность и высокую вероятность такого развития событий указывалось и ранее. В частности, в статье Е. Максютиной, А. Головкина [20], опубликованной еще в начале 2020 г., осуществившийся сегодня в российском автопроме сценарий описан как наиболее вероятный. На необходимость снижения рисков импортозависимости российской промышленности указывали и другие специалисты, в том числе авторы настоящей статьи [21; 22; 23; 24]. Приняты определенные меры в этом направлении, но, как показала практика, они оказались недостаточно действенными.

¹ Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2018 № 831-р (в ред. от 22.02.2019) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297129/?ysclid=l9fpgwxhzy197726287 (дата обращения: 18.08.2022).

**Индексы производства по основным видам обрабатывающих производств
в январе — августе 2022 г., % к январю — августу 2021 г.**

Table 3. Production indices for the main types of manufacturing industries
in January — August 2022, % compared to January — August 2021

Вид экономической деятельности	Индекс
Существенный рост, более 10 %	
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	112,6
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	122,7
Несущественный рост, от 1 % до 10 %	
Производство бумаги и бумажных изделий	101,2
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	103,8
Производство напитков	104,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	104,8
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	105,0
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	106,7
Неявная динамика, рост до 1 % либо падение до 1 %	
Производство кокса и нефтепродуктов	99,3
Производство резиновых и пластмассовых изделий	99,5
Производство мебели	99,9
Производство пищевых продуктов	100,2
Производство металлургическое	100,8
Производство кожи и изделий из кожи	100,9
Несущественное падение, от 1 % до 10 %	
Производство текстильных изделий	90,4
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	91,8
Производство электрического оборудования	95,9
Производство химических веществ и химических продуктов	97,0
Производство прочих транспортных средств и оборудования	98,0
Производство одежды	98,5
Производство прочих готовых изделий	98,8
Ремонт и монтаж машин и оборудования	99,0
Существенное падение, более 10 %	
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	57,7
Производство табачных изделий	86,7

Несмотря на выявленное общее падение промышленного производства во втором квартале 2022 г., согласно оперативной информации Росстата «О промышленном производстве в январе — августе 2022 г.», индекс промышленного производства в январе — августе 2022 г. по сравнению с январем — августом 2021 г. составил 100,9 %. Детальная помесечная динамика промышленного производства по видам экономической деятельности приведена в таблице 2. Анализ этих данных показывает, что критического обвала в промышленности за истекший период с начала 2022 г. не произошло, хотя некоторый спад производства и наблюдался. Но такая ситуация прослежи-

вается в контексте общих показателей. В отраслевом аспекте ситуация неоднозначна. Это находит отражение в таблице 3. В ней приведены данные об индексах выпуска ряда обрабатывающих производств, которые разбиты на пять групп, в зависимости от темпов роста или падения производства.

Рекомендации по обеспечению устойчивости развития российской промышленности: новая промышленная политика

Россия интегрирована в систему международных экономических отношений. По данным, которые приводят Е. В. Астахова

и Н. М. Костенко, «показатель экспортной квоты России за 2013–2017 гг. практически не изменялся и к 2017 г. составил 24,3 %... Показатель импортной квоты России за 2013–2017 гг. также значительно не изменялся и к 2017 г. был равен около 15 %... Внешнеторговая квота ... была больше нормативного предела 27 % — данный фактор свидетельствует о стимулирующем влиянии на хозяйство со стороны внешнеторгового оборота» [25, с. 191]. Но это стимулирующее влияние наблюдается лишь при условии экономической рациональности поведения хозяйствующих субъектов, которая в рамках методологии неоклассической школы экономической мысли рассматривается как стремление к максимизации прибыли.

В условиях экономических санкций, вводимых правительствами, одна из основных предпосылок принятия хозяйственных решений фирмами — стремление к собственной выгоде — оказывается невыполненной. Под давлением со стороны государственных органов стран, в юрисдикции которых зарегистрирован бизнес, руководители фирм принимают экономически абсурдные, но стратегически мотивированные решения, в расчете на то, что текущие убытки будут возмещены за счет преференциальных режимов, создаваемых правительствами в будущем, как вознаграждение за политически лояльное поведение. Другим мотивом принятия такого рода решений является стремление избежать еще более существенных финансовых потерь от штрафных санкций в рамках иницируемых правительствами разбирательств (то есть, по сути, такова реакция на шантаж властей).

Степень текущей финансовой неэффективности такого рода решений менеджмента существенна. Так, по сообщению издания «РИА Новости» от 25 августа 2022 г., «западные компании, которые после 24 февраля покинули российский рынок, понесли убытки в размере свыше \$70 млрд... К примеру *British Petroleum* после разрыва с «Роснефтью» недосчиталась \$25,5 млрд, французская *TotalEnergies* — почти \$7,6 млрд, американская *ExxonMobil* понесла потери в \$3,4 млрд, немецкая инжиниринговая компания *Linde* и австрийская *OMV* лишились по \$1 млрд. Компания *Shell*, которая вышла с российского рынка и отказалась покупать российский газ у «Газпрома» за рубли, получила убыток в \$3,9 млрд,

норвежская *Equinor* потеряла \$1,08 млрд, а итальянская *Enel* — €527 млн»¹.

Иными словами, истинная причина разрыва хозяйственных связей российских промышленных предприятий с зарубежными партнерами состоит не в нежелании таких партнеров продолжать сотрудничество, а в запрете им это делать со стороны их правительств. Очевидно, что в данном случае и меры противодействия промышленному спаду в России, и запуск новых механизмов промышленного роста силами лишь предприятий осуществить невозможно. Эта работа должна направляться и координироваться государством.

Необходимо указать на важное отличие схем реализации на уровне бизнеса правительственных предписаний, в зависимости от сути этих предписаний. Ввести запреты на ту или иную деятельность (как это сделали правительства стран «коллективного Запада» в отношении своих бизнес-структур, сотрудничавших до недавнего времени с Россией) просто. Просто — с процедурной точки зрения, такие решения (при наличии политического консенсуса в правящей элите) быстро принимаются. Они не требуют детальной проработки механизма осуществления, легко контролируется их выполнение, в том числе за счет наличия отлаженных механизмов принуждения к этому.

В случае необходимости стимулирования бизнеса к тому или иному поведению, в ситуации, если бизнес является частным (даже при условии соучастия в нем государства), вынудить его к реализации той или иной линии поведения гораздо сложнее. После 2014 г. в России проведено множество исследований, посвященных проблематике импортозамещения, разработаны и приняты многочисленные нормативно-правовые акты, научно обосновано значительное число рекомендаций. Но в ряде критически значимых сфер, несмотря на официально декларируемый успех импортозамещения, оно реализуется на практике в режиме «псевдоимпортозамещения».

Ряд исследователей пишут: «Его суть (имеется в виду «псевдоимпортозамещение». — В. П., Ю. В.) состоит в том, что дружественные России страны осущест-

¹ Подсчитаны убытки западных компаний после ухода из России // News.ru. 2022. 25 августа. URL: <https://news.ru/business/obnarodovany-ubytki-zapadnyh-kompanij-posle-uhoda-iz-rossii> (дата обращения: 20.09.2022).

вляют фактический реэкспорт той или иной продукции из стран недружественных, формально (или реально) осуществляя ее незначительную доработку. Второй вариант осуществления «псевдоимпортозамещения» — аналогичные действия российских производителей, которые выдают иностранные товары, минимально подработанные или же даже просто перупакованные, за отечественную продукцию» [4, с. 528].

Общественный вред «псевдоимпортозамещения» может быть очень велик. Становится понятным, что практика «псевдоимпортозамещения» латентна. Это связано с тем, что такие действия либо нарушают обязательства бизнеса, взятые перед государством (фактически фирма обманывает соответствующие государственные органы), что чревато административными претензиями, либо за якобы осуществленное импортозамещение получены те или иные преимущества, например, финансовые субсидии, которые, при «псевдоимпортозамещении» получены незаконно.

Тем не менее отдельные факты такого рода периодически становятся достоянием общественности, что связано с возбуждением (при их выявлении) резонансных уголовных дел. Например, широко известно уголовное дело, возбужденное в отношении руководства АО «Воентелеком» и группы связанных с ним лиц по факту мошенничества в особо крупном размере. Судом доказано хищение около 1,4 млрд руб. бюджетных средств, выделенных на реализацию контрактов, заключенных с Минобороны России, а также осуществление авторского надзора.

«Было установлено, что в 2013–2015 годах участники ОПГ организовали поставки заказчику вместо дорогих российских маршрутизаторов дешевые китайские аналоги с переклеенными этикетками»¹. К тому же в сфере обороны и безопасности ограничение применения оборудования иностранного производства было приоритетом и до современных эпизодов санкционного давления на Россию. По сути, это — доказанный пример «псевдоимпортозамещения».

Из-за того, что в больших или меньших масштабах «псевдоимпортозамещение»

активно практиковалось в промышленности России (на микроуровне экономики) с 2014 г., такая линия поведения менеджмента предприятий стала привычной. Но действительно радикальное изменение ситуации в 2022 г. показало, что она более не является эффективной. Необходимую работу по импортозамещению в ряде случаев проводили только «на бумаге». Системная причина этого заключается не в злонамеренности бизнеса или «происках врагов». Причина данной ситуации состоит в институциональном устройстве российской экономики, которая является либеральной, рыночной, а значит, слабоуправляемой со стороны властей.

Экономические интересы бизнеса и общества (в лице правительства) в сформированной в России экономической модели мало между собой согласованы. Импортозамещение в экономике связано с обеспечением национальной безопасности, сохранением устойчивости национальной экономики, поддержанием достаточного уровня благосостояния населения и занятости и т. д. Ни одна из этих целей не лежит в сфере интересов бизнеса, кроме контролируемого государством (оборонные корпорации, газовая промышленность, железнодорожный транспорт и др.).

Бизнес, в частности производственный, не стремится и в существующей экономической модели не должен стремиться к импортозамещению. Это противоречит его экономическим интересам. Следовательно, необходимо создание специального механизма такого рода согласования интересов государства (общества) и бизнеса. Несмотря на активное продвижение с начала периода российских рыночных реформ идеи необходимости «ухода» государства из экономики, без «возвращения» государства импортозамещение осуществить не удастся. Именно государственные органы должны взять на себя выполнение работ (а не только их нормативно-правовое и финансовое сопровождение) по организации в России импортозамещающих производств.

Нам необходима модель «импортозамещения сверху», что подразумевает пересмотр концептуальных подходов к соотношению государства и рынка в экономике не только на уровне теоретических моделей [26; 27; 28], но и на уровне формальных институтов. Можно возразить, что в агропромышленном комплексе (АПК) России после 2014 г. меха-

¹ Соковнин А. Связанные одним делом // 2022. 6 октября. URL: <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5595894> (дата обращения: 20.09.2022).

низм «импортозамещения снизу» сработал. Почему бы не попробовать реализовать его и в промышленности? По нашему мнению, сделать это не получится ввиду различий между типами отраслевой организации.

АПК в аспекте производства сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки ориентирован на конечный потребительский спрос, на население. Этот спрос будет всегда, поскольку зависит не от деятельности рыночных субъектов или решений государственных органов. При любых формах социальной и экономической организации люди нуждаются в пище и будут ее потреблять, то есть на импортозамещающую продукцию присутствует гарантированный спрос. И задача государства сведена лишь к тому, чтобы поддерживать продовольственное эмбарго, чем гарантировать для производителей продовольствия сохранение спроса на их продукцию. Финансовая поддержка разворачивания импортозамещающих производств со стороны государства, конечно, тоже сыграла определенную роль, но не определяющую. Она, по нашему мнению, способствовала ускорению процессов импортозамещения.

Иная ситуация складывается в промышленности, где присутствуют длинные цепочки создания стоимости, которые тем длиннее, чем выше технологический уровень конечной продукции. Значимая часть производимой в национальной экономике промышленной продукции может быть классифицирована как «промежуточный продукт», который в дальнейшем проходит ряд стадий обработки, прежде чем станет «конечным продуктом». Население не нуждается напрямую в микросхемах, пластмассах и химикатах, коксе, нефти, стальной арматуре, различных деталях и агрегатах машин и т. д. Но данная продукция нужна для производства потребляемых населением продуктов: бытовой техники, одежды и обуви, автомобилей, средств связи и др.

На протяжении промышленных цепочек создания стоимости (часть звеньев которых сегодня оказалась локализована за рубежом) очевидна потребность в больших или меньших объемах импортозамещения. Но вкладывать ресурсы в его осуществление частный бизнес в большинстве случаев не готов, поскольку нет гарантий того, что такого рода усилия конкретного предприятия дадут отдачу. Этот риск обусловлен высокой степенью зависимости эффектив-

ности подобных инвестиций от синхронных действий партнеров по всей цепочке создания стоимости. Он подразумевает согласование и координацию решений и инвестиций на всем ее протяжении. Частные компании достичь этого не в состоянии.

Единственный актер, кто может взять на себя решение подобной задачи (и, как показывает исторический опыт, может решить ее на практике) — это государство. В рамках реализации «новой» промышленной политики государство, по нашему мнению, должно взять на себя более активную роль. В п. 1 ст. 3 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» дано следующее определение: «Промышленная политика — комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции».

Это — определение пассивной промышленной политики, в рамках которой государство развивает промышленный потенциал, но не заботится о том, чтобы он был реализован. В условиях стабильного функционирования экономики это вполне допустимо и приемлемо [29]. В условиях макроэкономического шока — нет. Это показано в работах Дж. Кейнса, который убедительно доказал, что без активного участия государства рыночная экономика способна прийти в равновесное состояние в формате перманентного кризиса. Суть новой промышленной политики состоит в том, что государство должно не «обеспечивать» производство конкурентоспособной промышленной продукции, а организовывать его.

Это — кардинальная смена парадигмы. Но, с нашей точки зрения, смена необходимая. С учетом остроты текущего момента, не только экономической, но и военно-политической, от понимания необходимости перехода к новой промышленной политике и скорости такого перехода во многом зависит успех развития не только российской промышленности, но и экономики в целом, а также сохранение национального суверенитета. Изложенная нами концептуальная идея потребует дальнейшей углубленной проработки при условии ее принятия. Хочется надеяться, что это произойдет в короткие сроки, а научная общественность присоединится к конструктивному

обсуждению и проработке изложенных нами идей.

Заключение

Усиление санкционного давления на Россию со стороны «коллективного Запада» привело к развитию в национальной экономике ситуации, которая может быть охарактеризована как макроэкономический шок. Этот шок вызвал количественные и структурные изменения в экономике в целом и в промышленности в частности. Вызванный шоком спад производства постепенно преодолевается, что подтверж-

дается и объективными статистическими данными, и экспертными оценками авторитетных специалистов.

Вместе с тем происходит негативная структурная перестройка промышленности, вызванная высокой импортозависимостью в некоторых отраслях. Меры по импортозамещению, по нашей оценке, реализуемые по отработанным в предшествующий период (например, в АПК) моделям, скорее всего, в промышленности, особенно в высокотехнологичной, окажутся нерезультативными. В этой связи нами предложена идея новой промышленной политики, базирующаяся на более активной роли государства.

Список источников

1. Вертакова Ю. В., Зарецкая В. Г. Исследование процессов конвергенции регионального экономического и социального развития в условиях цифровизации и модернизации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2022. № 2 (72). С. 66–86. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-66-86
2. Гришков В. Ф., Плотников В. А., Фролов А. О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7–13.
3. Плотников В. А. Транснациональные цепочки создания ценности и глобальные механизмы ценообразования: взгляд теоретика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 2 (134). С. 7–13.
4. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524–537. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-6-524-537
5. Mills C. Sanctions against Russia: Commons Library Research Briefing № 9481. London, 2022. 71 p. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9481/CBP-9481.pdf> (дата обращения: 09.09.2022).
6. Боркова Е. А., Изотова А. Г., Литвинова Н. А. Цифровая трансформация строительной отрасли в условиях макроэкономического шока COVID-19 // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 4. С. 2129–2140. DOI: 10.18334/vines.10.4.111191
7. Дубовик М. В., Сизова Д. А., Волобуев Н. А. Влияние макроэкономических шоков на неравенство: современный аспект // Друkerовский вестник. 2020. № 4 (36). С. 46–53. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-4-46-53
8. Шиндикова И. Г. Инструментарий обеспечения экономической безопасности строительной организации в условиях макроэкономических шоков: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2021. 165 с.
9. Юсуfoва А. М. Управление организациями в условиях шоков внешней среды (на материалах строительных организаций): дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2022. 176 с.
10. Гиг Дж. ван. Прикладная общая теория систем: в 2 кн. Кн. 1 / пер. с англ. М.: Мир, 1981. 336 с.
11. Доценко Е. Ю. Структурная инерция как методологический инструмент исследования структурных сдвигов в экономике // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1. С. 4–18. DOI: 10.26730/2587-5574-2019-1-4-17
12. Ляшенко В. И., Ляшенко С. В. Инерционность и инновационная динамика в экономике региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 4 (35). С. 111–116.
13. Хайруллин В. А., Макаp С. В., Ямалова Э. Н. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена // Дискуссия. 2021. № 5 (108). С. 88–104. DOI: 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104
14. Бодрuнов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, 2016. 328 с.
15. Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А., Плотников В. А. Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России. 2017. № 3 (53). С. 49–56.

16. Задимидченко А. М., Стрих Н. И. Анализ состояния и развития обрабатывающей промышленности с учетом реализации мер государственной поддержки // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 4 (50). С. 10–16.
17. Кластерная экономика и промышленная политика: теория и инструментарий: монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015. 588 с.
18. Макарова И. В., Лепеш Г. В., Угольников О. Д. Промышленная политика индустриально развитых регионов РФ: новая реальность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6 (126). С. 42–47.
19. Риски 2022: градообразующие организации и моногорода. М.: Центр стратегических разработок, 2022. 21 с.
20. Максютин Е., Головкин А. Автомобильная промышленность России: проблемы развития в «осыпающемся мире» // Региональный экономический журнал. 2020. № 1 (28). С. 71–83.
21. Власова О. В. Об импортозависимости отечественного здравоохранения в части обеспечения медицинской техникой и оборудованием // Региональный вестник. 2020. № 6 (45). С. 89–91.
22. Пролубников А. В., Плотников А. В. Направления трансформации государственной экономической и промышленной политики в условиях экономических санкций и развития процессов импортозамещения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 2 (24). С. 45–50.
23. Рукинов М. В. Проблемы импортозамещения в России и их влияние на обеспечение национальной экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 9–12.
24. Черникова А. А., Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10 (132). С. 28–39.
25. Астахова Е. В., Костенко Н. М. Внешнеторговая деятельность России и Китая на примере Приморского края // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 190–193. DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0046
26. Бодрунов С. Д., Воейков М. И. Государство, ноономика и постклассическая политэкономия // Вопросы политической экономии. 2021. № 4. С. 22–37.
27. Государство и рынок в оптимизации структурных характеристик экономического роста: коллективная монография / отв. ред. Д. Ю. Миропольский, А. В. Харламов. СПб.: Санкт-Петербургский госуд. ун-т экономики и финансов, 2004. 475 с.
28. Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях преодоления кризиса: коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / под ред. С. А. Дятлова, Д. Ю. Миропольского, В. А. Плотникова. СПб.: Астерион, 2010. 374 с.
29. Мантуров Д. В. Подходы к реализации и инструменты промышленной политики в зарубежных странах: возможен ли трансфер опыта // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 7–15.

References

1. Vertakova Yu.V., Zaretskaya V.G. Research of the regional economic and social development convergence in the conditions of digitalization and modernization of the Russian economy. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2022;(2):66-86. (In Russ.). DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-66-86
2. Grishkov V.F., Plotnikov V.A., Frolov A.O. Mobilization economy in modern Russia: Theoretical aspects. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(3):7-13. (In Russ.).
3. Plotnikov V.A. Transnational value chains and global pricing mechanisms: A theoretical view. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(2):7-13. (In Russ.).
4. Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Prospects for the Russian economy: New challenges to economic security and public administration restructuring. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(6):524-537. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2022-6-524-537
5. Mills C. Sanctions against Russia. House of Commons Library Research Briefing. 2022;(9481). URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9481/CBP-9481.pdf> (accessed on 09.09.2022).
6. Borkova E.A., Izotova A.G., Litvinova N.A. Digital transformation of the construction industry in the context of the COVID-19 macroeconomic shock. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2020;10(4):2129-2140. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.10.4.111191

7. Dubovik M.V., Sizova D.A., Volobuev N.A. The impact of macroeconomic shocks on inequality: A modern aspect. *Drukerovskii vestnik*. 2020;(4):46-53. (In Russ.). DOI: 10.17213/2312-6469-2020-4-46-53
8. Shindikova I.G. Tools for ensuring the economic security of a construction organization in the context of macroeconomic shocks. Cand. econ. sci. diss. St. Petersburg: The International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak; 2021. 165 p. (In Russ.).
9. Yusufova A.M. Management of organizations in conditions of shocks of the external environment (based on the materials of construction organizations). Cand. econ. sci. diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2022. 176 p. (In Russ.).
10. Van Gigch J.P. Applied general systems theory. New York: Harper & Row; 1978. 736 p. (Russ. ed.: Van Gigch J. Prikladnaya obshchaya teoriya system (in 2 bks.). Bk. 1. Moscow: Mir Publ.; 1981. 336 p.).
11. Dotsenko E.Yu. Structural inertia as a methodological tool for the study of structural shifts in the economy. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami = Economics and Innovation Management*. 2019;(1):4-18. (In Russ.). DOI: 10.26730/2587-5574-2019-1-4-17
12. Lyashenko V.I., Lyashenko S.V. Inertia and innovation dynamics in the regional economy. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 2013;(4):111-116. (In Russ.).
13. Khairullin V.A., Makar S.V., Yamalova E.N. Inertia in socio-economic systems: Theoretical and heuristic analysis of the phenomenon. *Diskussiya = Discussion*. 2021;(5):88-104. (In Russ.). DOI: 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104
14. Bodrunov S.D. The coming. The New industrial society: Reloaded. St. Petersburg: Vitte Institute for New Industrial Development; 2016. 328 p. (In Russ.).
15. Vertakova Yu.V., Plotnikova N.A., Plotnikov V.A. Russia's industrial policy: Directions and instruments. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2017;(3):49-56. (In Russ.).
16. Zadimidchenko A.M., Strich N.I. Analysis of the state and development of the processing industry, taking into account the implementation of state support measures. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2021;(4):10-16. (In Russ.).
17. Babkin A.V., ed. Cluster economics and industrial policy: Theory and tools. St. Petersburg: Polytechnic University Publ.; 2015. 588 p. (In Russ.).
18. Makarova I.V., Lepesh G.V., Ugolnikova O.D. Industrial policy of industrial developed regions of the Russian Federation: New reality. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2020;(6):42-47. (In Russ.).
19. Risks 2022: City-forming organizations and single-industry towns. Moscow: Center for Strategic Research; 2022. 21 p. (In Russ.).
20. Maksyutina E., Golovkin A. Russian automobile industry: Development problems in the "crumbling world". *Regional'nyi ekonomicheskii zhurnal*. 2020;(1):71-83. (In Russ.).
21. Vlasova O.V. On the import dependence of domestic healthcare in terms of providing medical technique and equipment. *Regional'nyi vestnik*. 2020;(6):89-91. (In Russ.).
22. Prolubnikov A.V., Plotnikov A.V. Transformations of state economic and industrial policy in the economic sanctions and development process of import substitution. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2015;(2):45-50. (In Russ.).
23. Rukinov M.V. Problems of import substitution in Russia and their influence on national economic security. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2019;(2):9-12. (In Russ.).
24. Chernikova A.A., Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Import substitution as a tool of economic policy for import substitution risk management: Choosing an approach. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(10):28-39. (In Russ.).
25. Astahova E.V., Kostenko N.M. Foreign trade activity of Russia and China in the context of Primorsky Krai. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = ASR: Economics and Management (Azimuth of Scientific Research)*. 2019;8(2):190-193. (In Russ.). DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0046
26. Bodrunov S.D., Voeykov M.I. The state, noonomy and post-classical political economy. *Voprosy politicheskoi ekonomii = Problems in Political Economy*. 2021;(4):22-37. (In Russ.).
27. Miropol'skii D.Yu., Kharlamov A.V., eds. The state and the market in optimizing the structural characteristics of economic growth. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2004. 475 p. (In Russ.).
28. Dyatlov S.A., Miropol'skii D.Yu., Plotnikov V.A., eds. The state and the market: Mechanisms and methods of regulation in the conditions of overcoming the crisis (in 2 vols.). Vol. 2. St. Petersburg: Asterion; 2010. 374 p. (In Russ.).
29. Manturov D.V. The approaches of implementation and the instruments of industrial policy in foreign countries: Possibility to transfer the experience. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(4):7-15. (In Russ.).

Сведения об авторах**Владимир Александрович Плотников**

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли¹, профессор
кафедры менеджмента и государственного
и муниципального управления²

¹ Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

² Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Юлия Владимировна Вертакова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента
и информационных технологий

Курский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

305016, Курск, Ломоносова ул., д. 3

Поступила в редакцию 07.10.2022
Прошла рецензирование 24.10.2022
Подписана в печать 01.11.2022

Information about Authors**Vladimir A. Plotnikov**

D.Sc. in Economics, Professor, Professor
at the Department of General Economic Theory
and the History of Economic Thought¹, Professor
at the Department of Management and State
and Municipal Administration²

¹ St. Petersburg State University of Economics

21 Sadovaya str., St. Petersburg 191023, Russia

² St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

Yuliya V. Vertakova

D.Sc. in Economics, Professor, Professor
at the Department of Management
and Information Technology

Kursk Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

3 Lomonosova str., Kursk 305016, Russia

Received 07.10.2022
Revised 24.10.2022
Accepted 01.11.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.